

Дорина Евгения Анатольевна

КАНАЛЫ УЧАСТИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ

Автор выявляет специфику взаимодействия бизнеса и власти в условиях партийно-парламентской и функциональной систем представительства. В заключение формулируется вывод, что участие бизнеса в деятельности институтов представительства интересов при органах власти дает право отстаивать интересы в рамках правового поля; принимать участие в формулировании политики, политико-экономического курса страны и т.д. Это приводит к снижению роли неформальных практик, коррупционных механизмов и повышению значения легитимных каналов участия групп интересов в процессе управления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 72-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1.
2. Государственный архив в г. Шадринске. Ф. Р-213. Оп. 1.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-47. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-48. Оп. 3.
5. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1156. Оп. 1.
6. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1.
7. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1.
8. ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 3.
9. Дианов С. А. Издательское дело на Урале в 1920-1930 гг.: цензурный контроль // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11). Ч. 1. С. 51-55.
10. Зеленов М. В. Цензура и органы цензуры в постановлениях Наркомпроса РСФСР // Цензура в России: история и современность. СПб., 2008.
11. Кунгурский городской архив. Ф. Р-143. Оп. 1.
12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-496. Оп. 1.
13. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 40. Ст. 461.

**SECURITY FACTOR IN RECORDS MANAGEMENT
OF LOCAL BODIES OF GENERAL DIRECTORATE FOR THE PROTECTION
OF STATE SECRETS IN THE PRESS WITHIN URAL (THE 1920-1930S)**

Sergei Aleksandrovich Dianov, Ph. D. in History
Department of Social and Classical Disciplines
Perm' Institute (Branch) of Russian State University of Trade and Economics
dianov-sa@rambler.ru

The author postulates the problem of secrecy state in the records management of the local authorities of political censorship within Ural – the bodies of the General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press, comes to the conclusion that by the end of the 1930s the procedure of secret information keeping and storing in Ural branches of the General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press did not meet normative requirements, and tells that information about state secrets sometimes became public, whereupon the professional activity of political inspectors provoked a lot of criticism of the party and state leaders.

Key words and phrases: censorship; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; Ural; records management; censors.

УДК 323.2

Политология

Автор выявляет специфику взаимодействия бизнеса и власти в условиях партийно-парламентской и функциональной систем представительства. В заключение формулируется вывод, что участие бизнеса в деятельности институтов представительства интересов при органах власти дает право отстаивать интересы в рамках правового поля; принимать участие в формулировании политики, политико-экономического курса страны и т.д. Это приводит к снижению роли неформальных практик, коррупционных механизмов и повышению значения легитимных каналов участия групп интересов в процессе управления.

Ключевые слова и фразы: политическое представительство; партийно-парламентская система представительства; система функционального представительства; оценка регулирующего воздействия; институт омбудсмена по правам предпринимателей; агентство стратегических инициатив; корпоративный лоббизм.

Евгения Анатольевна Дорина

*Кафедра политологии и политического управления
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Evgeniya.dorina@mail.ru*

КАНАЛЫ УЧАСТИЯ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ®

Экономические и политические интересы связаны и взаимообусловлены. В условиях российского политического процесса одни и те же индивиды выполняют политические и экономические роли одновременно или перемещаясь из частного сектора в государственный (и наоборот) с помощью системы «вращающихся дверей». В рамках реализации «Национального плана противодействия коррупции на 2012-2013 годы»

Президент России Д. А. Медведев пригласил профессиональное деловое сообщество активно участвовать в консультативных процессах по совершенствованию российского законодательства [9]. В этой связи нам представляется целесообразным провести анализ каналов, механизмов и практик, с помощью которых бизнес может интегрироваться в процесс управления, и определить характер их влияния на общественно-политическое и экономическое устройство государства.

Отношения власти и бизнеса складываются на основе формальных и неформальных практик политического представительства групп интересов во властных структурах. Политическое представительство в этом случае понимается как «относительно устойчивый комплекс особых институтов и механизмов, через которые осуществляется презентация (выдвижение) групповых интересов в сферу публичной политики» [3, с. 11-12]. То есть это совокупность каналов, по которым заинтересованные группы или их представители оказывают систематическое воздействие на представителей государственного сектора с целью интеграции в процесс перераспределения ресурсов, а также политических и экономических статусов. Как правило, бизнес-группы стремятся проникнуть в политические институты: в органы исполнительной власти, в законодательные органы различных уровней (депутаты как представители бизнеса, включенные в партийные списки политических партий, избираются в Государственную Думу), в том числе и в региональные парламенты, а также в Совет Федерации в качестве представителей интересов того или иного региона, где базируется головное предприятие корпорации или в котором у компании присутствуют стратегические интересы (подробнее см. в работе автора [7]).

Крупный бизнес взаимодействует с властью через систему функционального представительства и через партийно-парламентскую систему. Функциональная система (или корпоративистская модель) представительства доминирует в процессе выстраивания взаимоотношений с властными структурами, поскольку в ней сочетаются механизмы неформального выстраивания отношений представителей бизнеса и власти и институциональное взаимодействие ключевых акторов политико-экономического процесса. В рамках реализации данной модели крупные российские корпорации оказываются задействованными практически во всех структурах политической власти: президентской, правительственной, законодательной, региональной и местной.

Институционализация взаимоотношений власти и бизнеса, курс на которую был взят в начале 2000-х годов, привела к увеличению роли коллективного воздействия корпораций на правительственные структуры. Ключевой формой коллективного взаимодействия стали отношения по линии объединений общего, межотраслевого характера. Бизнес через Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) получил право на участие в экспертных советах при органах государственной власти; Президент и Председатель правительства стали регулярно проводить встречи с членами РСПП. При Правительстве РФ был создан Консультативный совет по иностранным инвестициям, который курирует Министерство экономического развития. В данном Совете присутствуют представители крупных зарубежных компаний, работающих на российском рынке и входящих в состав РСПП. При Правительстве РФ был создан Совет по предпринимательству, в который вошли 24 бизнесмена, большей частью представлявшие корпоративную и финансовую элиту страны. Однако Совет обладал не столько реальными полномочиями, сколько консультативными функциями, и в его задачу входило обсуждение проектов правительственных решений. Следовательно, основной задачей Совета было страхование кабинета министров от ошибок при проектировании и планировании экономической политики государства.

В рамках индивидуального взаимодействия бизнеса и власти на институциональном уровне был создан Департамент инвестиционной политики и развития частно-государственного партнерства, институт оценки регулирующего воздействия (ОРВ), который сейчас очень востребован бизнес-структурами, поскольку представляет собой «канал для конструктивного диалога и принятия согласованных позиций обеих сторон» [14, с. 53]. В положении об институте ОРВ закреплено, что Министерство экономического развития РФ заключает соглашения с основными ассоциациями: министерство, по словам заместителя министра О. В. Фомичева, обязуется отправлять на обсуждение в бизнес-ассоциации правительственные документы, чтобы группы интересов могли определить риски возникновения негативных эффектов от введения новых регулирующих мер и подготовить соответствующее заключение для Министерства экономики, которое выступает в роли арбитра при принятии решений (обеспечивает баланс интересов заинтересованных конфронтационных бизнес-групп) [12].

Например, между металлургами и машиностроителями существует конфликт. Металлурги, стремясь продать свою продукцию подороже, лоббируют установление заградительных пошлин на ввоз аналогичных иностранных товаров. Машиностроители заинтересованы приобрести металл по более выгодной цене и потому выступают за присутствие зарубежного металла на отечественном рынке, что позволит создать конкуренцию. Это, в свою очередь, приведет к снижению цены на профильный для них материал. Правительство в данной ситуации должно учитывать интерес обоих контрагентов и обеспечивать относительный баланс интересов между ними. С этой же целью государственные структуры (министерства, ведомства и правительство в целом) создают совещательные органы и рабочие группы, куда приглашаются и в которых активно участвуют заинтересованные бизнес-группы.

Следует отметить, что попытки внедрить во взаимоотношения бизнеса и власти процедуры «умного регулирования» предпринимались еще на рубеже 1999-2000 гг.: создавались «пилотные» площадки реализации процедур оценки регулирующего воздействия в Татарстане, Калмыкии и Северной Осетии. Однако до мирового финансового кризиса эти проекты оказались практически не востребованными – во взаимоотношениях власти и бизнеса продолжали доминировать неформальные каналы взаимодействия.

Например, компания *Pfizer*, по данным *Bloomberg*, была оштрафована на \$60,2 млн за коррупционные схемы и взятки чиновникам в России [17]. По информации юридического департамента Комиссии по ценным бумагам США (SEC), «дочки» фармацевтического концерна заплатили в период с 1997 г. по 2006 г.

более \$2 млн взяток в России, Казахстане, Болгарии и Хорватии [16]. Компании таким образом стимулировали регистрацию и одобрение препаратов регулирующими органами, подписание контрактов на закупку лекарств, выдачу рецептов врачами и прохождение таможни. В отчетности «дочки» отображали эти суммы как расходы на рекламные мероприятия, маркетинг, обучение, клинические исследования, проведение конференций и проч.

В нелегальных механизмах взаимодействия транснациональной компании с представителями государственного сектора России применялись следующие технологии: финансирование служебных командировок и оплата участия в медицинских конференциях медицинских работников и чиновников профильных министерств и ведомств; стимулирование медицинских учреждений к продвижению или покупке продукции *Pfizer* и т.д. Например, за финансирование компанией поездки на конференцию в Голландию или Германию врач государственной клиники берет на себя обязательства по увеличению объема закупок до \$100 000 [15].

19 ноября 2003 г. сотрудник *Pfizer Russia* запрашивал у «материнской» компании средства на «мотивационное путешествие первого заместителя министра здравоохранения, нацеленное на включение продуктов *Pfizer* в список лекарств, стоимость которых возмещается государством» [Там же]. (Первым заместителем министра здравоохранения и социального развития в этот период был Г. Г. Онищенко.)

7 апреля 2004 года в сопроводительном письме к оплате двух счетов было указано, что денежные средства по ним предназначаются чиновнику Самарского департамента здравоохранения за содействие в победе на государственных тендерах, т.е. «за оплату услуг по закупке лекарств регионом» [Там же].

2 декабря 2004 г. были выделены денежные средства сотруднику департамента здравоохранения Москвы, ответственному за внедрение новых методик лечения антибиотиками [Там же]. Представитель департамента здравоохранения обещал включить продукцию *Pfizer* в перечень рекомендованных лекарственных средств.

«Субсидии» международный фармацевтический концерн направлял и на повышение лояльности таможенных структур.

В 2005 г. Министерство здравоохранения России ввело обязательную сертификацию импортируемых лекарств, которая фактически ввела запрет на таможенное оформление препаратов. Оформлять сертификаты поручили уполномоченному государством Сертификационному центру. Продукция компании *Pfizer*, как и препараты ряда других компаний, не в полной мере соответствовала жестким критериям для получения сертификата. В этой связи компания испытывала сложности с ввозом производимых не в России лекарственных средств на ее территорию. Поэтому, когда сотрудник Сертификационного центра предложил содействие в получении сертификатов в обмен на ежемесячный платеж в \$3000, руководство представительства *Pfizer* в России выделило на данные оперативные «нужды» \$13 000 [Там же]. В результате проблемы с ввозом иностранных препаратов были решены к удовлетворению всех субъектов данного процесса.

Очевидно, что история с мировым фармацевтическим гигантом – это типичная практика выстраивания отношений бизнеса с государственным сектором в России до 2008 г. Для разрешения возникающих препятствий со стороны государственных структур бизнес выделял значительные денежные транши в виде оплаты отдыха чиновников, стимулирования выписки препаратов врачами (в т.ч. с помощью финансирования программы «псевдоделового туризма» для врачей, выписавших наибольшее число рецептов).

Еще одним каналом, обеспечивающим взаимодействия бизнеса и власти на институциональном уровне в рамках индивидуального представительства интересов, является Общественный совет по проведению экспертизы проектов нормативно-правовых актов на коррупциогенность при Министерстве юстиции РФ. В него могут входить представители бизнеса как физические лица или в качестве юридических лиц от какой-либо организации, ассоциации и т.д. [1].

В рамках президентской избирательной кампании В. В. Путин предложил ввести в политической системе страны институт полномочного представителя предпринимателей. Данная идея была позитивно воспринята как бизнес-сообществом, так и представителями государственного сектора. По сути, государство предложило бизнесу интегрироваться в процесс принятия политических решений через своего омбудсмена в качестве государственных служащих. Тем самым власть повысила статус процесса интеграции бизнеса в свои структуры, сделала его более привлекательным. Во многом данная инициатива обусловлена заинтересованностью государства в грамотных эффективных топ-менеджерах, способных преодолевать последствия мирового финансового кризиса и не только непосредственно активно участвовать в процессе модернизации своего предприятия, но и способных мотивировать включиться в данный процесс своих коллег-бизнесменов. Последний факт будет способствовать модернизации российской экономической системы в целом.

С целью модернизации отечественной экономики и ее перехода на инновационный путь развития Правительство РФ создало Агентство стратегических инициатив (АСИ), которое должно оказывать помощь среднему бизнесу в продвижении его инициатив через органы государственной власти [11]. Обусловлено это во многом тем, что крупный бизнес крайне слабо участвует в процессе модернизации своих предприятий; новатором в экономическом развитии, как правило, выступают представители сегмента малого и среднего бизнеса, которые не имеют столь широкого и открытого доступа к представителям органов власти, как большой бизнес. При этом последний пристально следит за развитием среднего и малого бизнеса и в случае возникновения новых, инновационных технологий развития профильной отрасли или предприятия стремится его поглотить.

Помимо вышперечисленных, существуют еще и такие формальные (публичные) практики взаимодействия крупного бизнеса и власти, как:

- «обмен кадрами»: интеграция бизнеса во властные структуры с помощью системы «вращающихся дверей» (кадровый резерв Президента РФ, куда входят не только государственные служащие и чиновники, но

и представители топ-менеджмента крупнейших отечественных корпораций; многие бывшие топ-менеджеры компаний сейчас занимают ведущие посты в государственном секторе: бывший начальник управления труда и заработной платы Горно-металлургического комбината «Норильский Никель» А. В. Новак возглавляет Министерство энергетики РФ (ранее он занимал должность заместителя министра финансов РФ); бывший первый заместитель генерального директора АО «Норильский комбинат» Л. В. Кузнецов руководит Красноярским краем; бывший генеральный директор РАО «Норильский Никель» А. Г. Хлопонин занимает пост заместителя Председателя Правительства РФ и является полномочным представителем президента в Северо-Кавказском федеральном округе и др.);

- PR- и GR-деятельность бизнеса (подробнее см. в работе автора [6]);
- участие бизнеса в реализации совместных с государством проектах;
- партнерство бизнеса в государственных национальных программах. Например, Горно-металлургический комбинат «Норильский Никель» активно участвует в развитии территорий Севера;
- проекты частного капитала в социальной политике. ГМК «Норильский Никель» создал свою авиакомпанию *Nord Star* («Таймыр»), которая предоставляет льготные тарифы для сотрудников корпорации; комбинат участвует в программе по переселению бывших сотрудников с территории Крайнего Севера в более благоприятные районы и т.д.

Стоит отметить, что процесс институционализации отношений между властью и бизнесом был начат задолго до 2000-х годов. Одна из первых попыток регламентировать взаимодействие бизнеса и власти была предпринята на рубеже 1990-1991 годов. Тогда начался процесс создания Межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия (всего их было восемь – Сибирское соглашение, Уральская ассоциация, Большая Волга, Центральная Россия, Северо-Запад, Черноземье, Северо-Кавказская, Дальневосточная ассоциация), которые обладали не только сильными экономическими ресурсами и рычагами давления на власть, но и реальной политической силой. В сентябре 1998 г. обсуждалась идея включения руководителей ассоциаций в Президиум Правительства РФ, которое возглавлял Е. М. Примаков. Однако после введения В. В. Путиным системы федеральных округов роль Межрегиональных организаций экономического взаимодействия не просто снизилась – их деятельность сошла на нет. Началось создание новых институтов, регламентирующих процесс взаимодействия основных политико-экономических акторов. Эти институты создавались на федеральном уровне, что привело к развитию не только формальных, институциональных отношений власти и бизнеса, но и к резкому скачку выстраивания полуформальных и неформальных каналов для включения бизнес-групп в политический процесс.

Например, в 2000 г. был создан Государственный Совет при Президенте РФ, в который входят главы исполнительной власти субъектов федерации по должности. При этом главы исполнительной власти зачастую являются выходцами из градообразующих предприятий или на территории возглавляемых ими регионов находятся крупнейшие корпорации-налогоплательщики, интересы которых им выгодно защищать. Так, губернатор Красноярского края Л. В. Кузнецов – бывший топ-менеджер Горно-металлургического комбината «Норильский Никель», который в свою очередь является главным бюджетонаполнителем края. В мае 2002 г. создан Совет законодателей (или Совет по взаимодействию Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов РФ), в который входят главы региональных legislatures по должности. Эти главы legislatures, как и руководители субъектов, имеют тесные связи с представителями крупнейших региональных бизнес-структур и заинтересованы в их процветании. Например, А. В. Усс (спикер Законодательного Собрания Красноярского края) на выборах руководителя региона в 2002 г. получил поддержку от РУСАЛа и поэтому в условиях конфликта между О. В. Дерипаской (главой РУСАЛа) и В. О. Потаниным (владельцем контрольного пакета акций «Норильского Никеля») лоббировал интересы своего «патрона».

Стоит также отметить, что среди государственных структур, обеспечивающих представительство групп интересов через неформальные и полуформальные каналы, значительную роль играют Президент РФ и его администрация (региональное происхождение президента обеспечивает негласное преимущество компаний из этого субъекта РФ по отношению к другим), Правительство РФ, в котором образуется множество региональных лоббистских групп (как по территориальному происхождению чиновников, так и по отраслевому).

Среди неформальных практик функционального представительства бизнеса во властных структурах можно также отметить корпоративный лоббизм как способ консолидации с представителями органов государственной власти для реализации определенной экономической политики; стратегическое партнерство на основе «доверительных отношений» частного капитала и представителей властных структур (или «встроенный лоббизм»: корпоративный бизнес проникает в исполнительную власть путем сращивания с узловыми ведомствами и департаментами [8, с. 45-46]); механизмы коррупции; негласные «соглашения» о перераспределении ресурсов; неформальное участие, покровительство бюрократии конкретным корпорациям или бизнесменам; непосредственное участие и влияние бизнеса на электоральные механизмы.

Крупные корпорации вступают в отношения с государством по линии функционального представительства и параллельно участвуют в системе территориального, партийно-парламентского представительства, создавая финансово-организационные механизмы и инструменты для включения в политический процесс в статусе субъектов. Значительная роль корпораций в партийно-политической сфере была признана на Конгрессе Международной ассоциации политических наук в 1997 г. [5, с. 90]. На практике включенность корпораций в сферу партийно-политических отношений реализуется в США через комитеты политического давления, главной задачей которых является финансовая поддержка нужных корпорациям кандидатов на выборах в Конгресс либо legislatures штатов.

Таким образом, в рамках корпоративистской модели (системы функционального представительства) власть и бизнес взаимодействуют как на институциональной основе, так и с помощью неформальных практик в рамках данных институтов. Такая взаимосвязь обеспечивает организационные связи между основными субъектами политико-экономического процесса, а также способствует формированию и укреплению устойчивых сетей межличностного взаимодействия, что обеспечивает преимущество корпорации, «сцепленной» с государством тесными связями, в доступе к системе государственных заказов, контрактов, программ по поддержке и развитию бизнеса.

Однако, помимо функциональной системы представительства, бизнес в процессе организации взаимоотношений с властными структурами активно задействует и партийно-парламентскую систему, в рамках которой предпринимательский сектор участвует в электоральном процессе либо непосредственно (представители корпораций занимают проходные места в партийных избирательных списках (подробнее см. в работе автора [7]), либо опосредованно (финансируют избирательную кампанию той или иной политической партии); бизнес устанавливает контакты с уже избранными депутатами (например, с представителями бизнес-ассоциаций, избранных в Думу). В рамках последнего процесса может рассматриваться последняя инициатива В. Ф. Звагельского о создании в шестой Государственной Думе межфракционной группы промышленного лобби, в которую должны войти депутаты-выходцы из бизнеса. Целью группы станет продвижение экономических законов, несмотря на фракционные разногласия политического характера [4].

Очевидно, что система партийно-парламентского представительства в России сегодня имеет тенденцию к институционализации взаимоотношений власти и бизнеса в процессе выработки профильных экономических законопроектов. Следовательно, можно предположить, что вступление крупных корпораций в процесс взаимодействия с государством по линии функционального представительства и их параллельное участие в системе партийно-парламентского представительства приведет к снижению роли неформальных практик, коррупционных механизмов при выстраивании отношений бизнеса с представителями властных структур и повысит значение формальных легитимных каналов участия групп интересов в процессе управления, разработки и реализации политико-экономических решений.

Данный тезис подтверждается примером из практики: процесс принятия законопроекта «Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» [10], разрабатываемый Министерством здравоохранения РФ с 2011 года. В данном законопроекте одним из ключевых пунктов является запрет на продажу сигарет в магазинах до 50 кв. метров, что ущемляет интересы мелкого ритейла, но удовлетворяет интерес крупных сетей, стремящихся присвоить себе данный финансовый оборот.

Инициатива чиновников была обусловлена их корпоративным интересом по снижению числа преждевременной смертности от потребления табака. Однако на межведомственном уровне ситуация была неоднозначной: Министерство экономики и Министерство финансов полагали, что данная мера приведет к снижению бюджетных платежей по этому направлению и тем самым затормозит развитие экономики. Антимонопольная служба, в чью компетенцию входит развитие конкуренции, полагала, что это приведет к закрытию 175 000 торговых объектов и потере 300 000-500 000 рабочих мест.

Учитывая позиции ключевых для принятия антитабачного законопроекта министерств, группы интересов (преимущественно табачные компании) субсидировали их активность, предоставляя необходимые аргументы, экспертизы, общественную поддержку и т.д. Например, в августе 2011 г. табачные компании (в т.ч. лидер по производству табака *British American Tobacco*) подготовили совместный отзыв на данный законопроект и направили его в профильные министерства и ведомства, готовившие заключения-отзывы на рассматриваемую нами инициативу Министерства здравоохранения. В отзыве в отношении пункта о торговых объектах, в которых реализуются табачные изделия, говорится, что «вредное воздействие табачного изделия не зависит от того, в каком торговом объекте оно приобретено. <...> Введение данной нормы [продажа сигарет только в помещениях не менее 50 м²] приведет к серьезным экономическим и социальным последствиям, создавая необоснованное конкурентное преимущество для крупных торговых сетей» [13]. Табачные компании поддержали «Русбренд», Национальная торговая ассоциация и Федерация рестораторов и отельеров, которые направили свои замечания по данному законопроекту председателю правительства В. В. Путину и президенту Д. А. Медведеву. Согласно их заключениям, реализация сигарет только в помещениях не менее 50 м² приведет к закрытию 120-150 тыс. ларьков и киосков по всей стране и к нерыночному перераспределению объемов продаж в пользу более крупных операторов торговли не только табачной, но и другой продукции – напитков, кондитерских и хлебобулочных изделий [2].

В результате данных экспертных обращений Министерство экономического развития в своем отзыве на антитабачный законопроект предложило смягчить запрет на продажи в ларьках и на демонстрацию табака в магазинах, а Министерство сельского хозяйства – внести «несущественные корректировки». Национальный антикоррупционный комитет, опираясь на экспертные исследования, пришел к заключению, что антитабачный законопроект Министерства здравоохранения создает благоприятную почву для взяточничества: чиновники получают возможность вымогать средства у предпринимателей.

С представителями антимонопольного ведомства работали ассоциации малого бизнеса, ссылаясь на ограничение конкуренции; с Министерством экономики – крупные табачные компании, приводя факты об угрозе сокращения рабочих мест и падении инвестиций и т.п.

В целом один из самых противоречивых законов десятилетия благодаря не столько неформальной (имеется в виду подкуп), сколько активной субсидирующей деятельности заинтересованных групп табачной

отрасли привел к конфликту между многими заинтересованными министерствами. Практически год Министерству здравоохранения не удавалось согласовать этот законопроект с министерствами экономики, промышленности и торговли, сельского хозяйства; получить положительные заключения из Министерства юстиции, от Национального антикоррупционного комитета, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Очевидно, что в данном процессе группы интересов бизнеса (табачные компании и мелкий ритейл) действовали преимущественно формальные, легальные и легитимные механизмы воздействия на органы государственной власти: подготовка экспертных заключений (в т.ч. для Министерства юстиции в рамках Общественного совета по коррупционности), участие в консультативных совещаниях, проводимых профильными министерствами и ведомствами (в т.ч. Департаментом оценки регулирующего воздействия) и т.д. В то же время, пытаясь отстоять свои интересы, табачные компании совместно с представителями малого бизнеса использовали такие механизмы, как манипуляция общественным мнением, формируя у населения негативное отношение к принятию данного законопроекта; подкуп экспертов, готовящих заключения и т.д.

Таким образом, можно предположить, что неформальные механизмы взаимодействия бизнеса с представителями органов власти теряют свою популярность и отходят на второй план в силу затратности, однако полностью не прекращают применяться. Проблема заключается в том, что сегодня неформальные каналы и связи выражаются не в коррупционных схемах и действиях бизнеса – они перешли в плоскость взаимовыгодных услуг, не измеряемых в денежном эквиваленте.

В заключение отметим, что функциональная и партийно-парламентская системы представительства интересов бизнеса имеют тенденцию к формализации, легализации и легитимации процесса взаимодействия бизнеса и власти. Если в начале XXI в. попытки создания институтов представительства интересов бизнеса, его консолидации в профессиональные сообщества сталкивались с мощным противостоянием сторонников неформального взаимодействия, предпочитавших использовать коррупционные схемы для приобретения преференций (об этом свидетельствует проведенный нами анализ специфики деятельности в России фармацевтической компании *Pfizer*), то к началу второго десятилетия XXI столетия неформальные механизмы становятся менее эффективными – они не гарантируют достижения цели, в то время как участие в деятельности институтов представительства интересов, созданных при исполнительных органах власти на федеральном уровне, предоставляет легальное и легитимное право представлять, отстаивать и защищать свои интересы в рамках правового поля; принимать участие в формулировании политики, формировании политико-экономического курса страны и легитимно влиять на процесс принятия решений. Именно поэтому бизнес-сообщество заинтересовано в развитии и укреплении таких институтов индивидуального представительства своих интересов на высшем уровне.

Заинтересованность ключевых акторов политико-экономического процесса в формализации и легитимации их взаимоотношений обусловлена повышением спроса со стороны бизнеса на формализацию правил в связи с усилением государственного регулирования в экономике; спросом на стабильность права собственности и реальной оценкой издержек и выгод от применения неформальных механизмов взаимодействия; интеграцией российской экономики в структуры ВТО, которые требуют наличия в государстве рыночной конкурентной среды и прозрачности активов частного капитала.

В целом переход к преимущественно формальным каналам взаимодействия в рамках партийно-парламентской системы и системы функционального представительства не только обеспечивает снижение уровня коррупции в государстве, но и позволяет ключевым субъектам политико-экономического процесса повысить эффективность их взаимодействия, что в конечном итоге приводит к ускорению модернизации экономики, совершенствованию правового поля и развитию общественно-политической системы в рамках демократической конкуренции.

Список литературы

1. **Антикоррупционная экспертиза** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minjust.ru/activity/legislative/anticorrekspert> (дата обращения: 30.08.2012).
2. **Антитабачный закон выкуривают** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1793269> (дата обращения: 01.09.2012).
3. **Башкатов Р. Н.** Институционализация политического представительства отечественного бизнеса: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 31 с.
4. **Депутаты открыли общий бизнес** // Коммерсантъ. М., 2012. 28 марта.
5. **Джордан Г.** Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях? // Мировая экономика и международные отношения. М., 1997. № 1. С. 82-97.
6. **Дорина Е. А.** Деятельность GR-департаментов в контексте модернизации экономических институтов // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2011. № 3. С. 28-42.
7. **Дорина Е. А.** Формирование политико-административных ресурсов корпораций в контексте избирательной кампании 2011 года // Актуальные проблемы политики и политологии в России: сборник научных статей. М.: Проспект, 2012. С. 124-131.
8. **Лапина Н. Ю.** Бизнес и власть в сильных регионах: модели и ресурсы взаимодействия // Власть и элиты в российской трансформации / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2005. С. 34-49.
9. **Национальный план противодействия коррупции** [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1172 (дата обращения: 13.03.2012).

10. Об охране здоровья населения от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [Электронный ресурс]: проект Федерального закона от 03.07.2012. URL: http://rosminzdrav.ru/docs/doc_projects/856 (дата обращения: 03.07.2011).
11. Об учреждении автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.08.2011 № 1393-р. URL: <http://government.ru/gov/results/16183> (дата обращения: 12.08.2011).
12. Оценка регулирующего воздействия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/designlements/ria/index> (дата обращения: 01.03.2012).
13. Производители сигарет раскритиковали законопроект Минздрава [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2011/08/22/market/562949981307105> (дата обращения: 27.08.2012).
14. Фомичев О. В. Каналы взаимодействия власти и бизнеса стали эффективнее // Промышленник России. М., 2012. № 1-2. С. 52-56.
15. Фрагмент текста иска Комиссии по ценным бумагам и биржам США к компании Pfizer (деятельность компании в России) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lobbying.ru/dokuments/part.pdf> (дата обращения: 09.08.2012).
16. In the United States District Court for the District of Columbia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lobbying.ru/dokuments/lawsuit.pdf> (дата обращения: 09.08.2012).
17. Pfizer Agrees to Settle Foreign Bribery Case with U.S. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2012-08-07/pfizer-agrees-to-settle-foreign-bribery-case-with-u-s.html> (дата обращения: 08.08.2012).

CHANNELS OF INTEREST GROUPS PARTICIPATION IN MANAGEMENT PROCESS

Evgeniya Anatol'evna Dorina

Department of Political Science and Political Management

Russian Academy of National Economy and State Service under the Russian Federation President

Evgeniya.dorina@mail.ru

The author reveals the specificity of the interaction between business and power under the conditions of the party-parliamentary and functional systems of representation, comes to the conclusion that business participation in the activity of interests representation institutions under government bodies gives a right to defend interests within the framework of legal field; to participate in the formulation of the policy, political-economic course of the country, etc., and shows that it leads to decrease in the role of informal practices, corruption mechanisms and increase in the significance of the legitimate channels of interest groups participation in management process.

Key words and phrases: political representation; party-parliamentary system of representation; system of functional representation; regulatory impact assessment; institute of ombudsman for entrepreneurs' rights; agency of strategic initiatives; corporate lobbying.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

Статья посвящена анализу результатов работы международной выставки «Научное искусство 2: Non&Digital», состоявшейся 22-26 сентября в рамках совместного проекта Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Центрального дома художника по созданию в Российской Федерации трансдисциплинарной платформы научного искусства. Существенное внимание уделено художественно-эстетическому анализу представленных на выставке работ российских и зарубежных художников и художественных групп.

Ключевые слова и фразы: актуальное искусство; научное искусство; биологическое искусство; медицинское искусство; цифровое искусство; искусство новых медиа; искусство мобильных телефонов.

Семен Владимирович Ерохин, д. филос. н.

Кафедра физической химии

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

SErohin@ru.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА «НАУЧНОЕ ИСКУССТВО 2: NON&DIGITAL»[©]

Международная выставка «Научное искусство 2: Non&Digital» (г. Москва, Центральный дом художника, 22-26 сентября 2012 года) стала второй международной выставкой научного искусства, проводимой в рамках Проекта «Научное искусство» («Science Art»), реализуемого Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и Центральным домом художника Конфедерации союзов художников и направленного на создание в Российской Федерации трансдисциплинарной платформы научного искусства, способной обеспечить плодотворное сотрудничество представителей науки и искусства.